

УДК 336.7

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ФИНАНСОВОГО ПОСРЕДНИЧЕСТВА В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ТРАЕКТОРИЙ РАЗВИТИЯ

Яковенко Д. А.¹

Аннотация: В статье рассматривается институциональная трансформация финансового посредничества в постсоветских странах. На основе компаративного институционального подхода проанализированы особенности развития банковских и небанковских финансовых институтов России, Казахстана и государств ЕАЭС. Показано, что различия траекторий определяются режимами регулирования, структурой собственности, ролью государства, уровнем цифровизации и степенью включённости в интеграционные процессы. Отдельно рассмотрено влияние цифровых финансовых сервисов на изменение функций традиционных посредников. Выделены три модели адаптации финансовых систем к внешним потрясениям: централизованная мобилизация, рыночная селекция и внешняя зависимость.

Ключевые слова: финансовое посредничество, институциональная трансформация, постсоветские страны, банковский сектор, небанковские финансовые институты, ЕАЭС, цифровизация, финансовая интеграция, институциональная адаптация

Для цитирования: Яковенко Д. А. Институциональная трансформация финансового посредничества в постсоветских странах: компаративный анализ траекторий развития // Московский вестник экономических наук. №2 (2023). С. 13-19.

INSTITUTIONAL TRANSFORMATION OF FINANCIAL INTERMEDIATION IN POST-SOVIET COUNTRIES: A COMPARATIVE ANALYSIS OF DEVELOPMENT TRAJECTORIES

YAKOVENKO D. A.¹

Abstract: The article examines the institutional transformation of financial intermediation in post-Soviet countries. Based on a comparative institutional approach, it analyzes the development of banking and non-banking financial institutions in Russia, Kazakhstan and the EAEU member states. The article shows that differences in development trajectories are shaped by regulatory regimes, ownership structures, the role of the state, digitalization and integration processes. Special attention is given to the impact of digital financial services on the functions of traditional intermediaries. Three models of financial system adaptation to external shocks are identified: centralized mobilization, market selection and external dependence.

Keywords: financial intermediation, institutional transformation, post-Soviet countries, banking sector, non-banking financial institutions, EAEU, digitalization, financial integration, institutional adaptation

<

ВВЕДЕНИЕ

Финансовое посредничество в постсоветских странах формировалось в условиях перехода от плановой системы к рыночным институтам. Несмотря на общую историческую основу, национальные финансовые системы региона развивались по разным траекториям. Эти различия проявились в роли государства, структуре собственности, уровне концентрации банковского сектора, развитии небанковских институтов и характере финансового регулирования.

Современный этап усилил значение институциональных факторов. Санкционные ограничения, изменение трансграничных расчётов, развитие цифровых платформ и интеграционная повестка ЕАЭС поставили перед финансовыми посредниками новые задачи. При этом финансовые системы реагируют на внешние вызовы не одинаково: одни опираются на государственную координацию, другие - на рыночные механизмы, третьи - на внешние источники устойчивости.

Теоретическая проблема исследования связана с тем, что классические подходы к финансовому развитию часто предполагают движение стран к сходным институциональным моделям. Однако опыт постсоветских стран показывает более сложную картину: формальное заимствование рыночных институтов не всегда приводит к сходству финансовых систем. Значимыми остаются историческая инерция, структура собственности, регуляторные практики и доверие к финансовым институтам [1; 4; 5].

Цель статьи - выявить основные траектории институциональной трансформации финансового посредничества в постсоветских странах на примере России, Казахстана и государств ЕАЭС.

Работа имеет теоретико-аналитический характер. Материалом для анализа выступили научные публикации, программные документы, доклады регуляторов и интеграционных институтов. Эти источники использовались для выявления институциональных решений, регуляторных подходов и направлений финансовой политики, а не для построения количественных рядов.

Методологическую основу составляют компаративный институциональный анализ, структурно-функциональный подход и метод сравнительных траекторий [5; 7]. Сопоставление проводилось по следующим признакам: роль государства в финансовом секторе, степень концентрации банковской системы, развитие небанковских посредников, характер цифровизации, включённость в интеграционные процессы и способы адаптации к внешним потрясениям.

Такой подход позволяет рассматривать финансовое посредничество не только как совокупность банковских и небанковских организаций, но и как систему правил, стимулов и ограничений, определяющих поведение участников финансового рынка.

Банковский сектор остаётся центральным элементом финансового посредничества в большинстве постсоветских стран. Однако его институциональная организация различается.

Российская модель характеризуется сочетанием сильной роли регулятора, значимого присутствия крупных банков и активного развития финансово-технологических сервисов. Банки постепенно переходят от классической модели посредничества к платформенной организации бизнеса. Конкуренция смещается не только между банками, но и между экосистемами, платёжными сервисами, агрегаторами и иными цифровыми участниками рынка [2; 8].

Казахстанская модель отличается большей ролью универсальных банков, вокруг которых концентрируются смежные финансовые услуги. Такая конфигурация повышает управляемость сектора, но одновременно ограничивает развитие

специализированных небанковских институтов и усиливает зависимость финансовой системы от крупнейших участников [3; 17].

В малых экономиках ЕАЭС заметное значение имеют иностранный капитал, международные финансовые организации и трансграничные денежные потоки. Для таких систем характерны более узкие внутренние рынки, ограниченная ресурсная база и высокая чувствительность к внешним условиям [10; 12].

Таким образом, постсоветские страны не движутся к единой модели финансового посредничества. Напротив, наблюдается закрепление разных институциональных конфигураций: российской модели регулируемой концентрации и цифровых экосистем, казахстанской модели банковского универсализма и модели внешней зависимости в малых экономиках региона.

Небанковские финансовые посредники - страховые компании, негосударственные пенсионные фонды, инвестиционные фонды, микрофинансовые организации - остаются менее устойчивым элементом финансовых систем постсоветских стран. Их развитие сдерживается доминированием банков, ограниченным горизонтом долгосрочных сбережений, низким уровнем доверия к коллективным формам инвестирования и недостаточной глубиной рынков капитала [13; 14; 15].

В России небанковский сектор развивается неравномерно. Отдельные сегменты демонстрируют институциональную устойчивость, однако многие формы коллективного инвестирования и долгосрочного страхования сохраняют зависимость от банковской инфраструктуры и государственной политики.

В Казахстане небанковские посредники во многом встроены в более широкие банковские группы. Это создаёт видимость диверсификации, но не всегда приводит к появлению самостоятельных финансовых институтов, способных конкурировать с банками за сбережения населения и корпоративных клиентов.

Для стран с менее ёмкими финансовыми рынками характерна ещё более выраженная зависимость небанковского сектора от внешних источников капитала, донорских программ и банковских каналов распределения финансовых услуг.

Институциональная проблема заключается в том, что небанковские посредники не могут быстро масштабироваться без доверия клиентов и долгосрочных ресурсов. Но доверие и ресурсы, в свою очередь, формируются только при наличии устойчивой практики работы таких институтов. Выход из этой ситуации требует не только рыночной конкуренции, но и продуманной регуляторной политики: защиты прав инвесторов, развития долгосрочных инструментов, налоговых стимулов и повышения прозрачности финансовых продуктов. Цифровизация меняет способы взаимодействия между финансовыми институтами и клиентами. Дистанционные каналы обслуживания, мобильные приложения, скоринговые алгоритмы, цифровая идентификация и платформенные сервисы постепенно становятся обычной частью финансовой инфраструктуры [16].

При этом цифровизация не устраняет финансовое посредничество. Она меняет его форму. Посредниками становятся не только банки, но и платёжные платформы, агрегаторы финансовых продуктов, операторы цифровой идентификации, поставщики данных и технологические компании.

Российский финансовый рынок демонстрирует активное развитие банковских и небанковских экосистем. Финансовые услуги встраиваются в более широкие цифровые контуры: торговлю, логистику, коммуникации, сервисы для бизнеса и населения. Это расширяет доступ к услугам, но создаёт новые риски: зависимость клиентов от крупных платформ, концентрацию данных, технологическую уязвимость и усложнение надзора.

В Казахстане цифровизация также рассматривается как направление модернизации финансового сектора. Значение имеют развитие цифровой валюты, платёжной инфраструктуры и удалённой идентификации [17]. Для стран ЕАЭС особую роль играет совместимость национальных цифровых решений, поскольку без неё трансграничные финансовые сервисы будут развиваться медленно [18].

Регуляторы сталкиваются с задачей сохранить преимущества цифровизации, не допуская чрезмерной концентрации данных и рыночной власти у отдельных платформ. Поэтому финансовое регулирование постепенно должно охватывать не только банки, но и технологических посредников, влияющих на доступ к финансовым услугам.

Формирование общего финансового пространства ЕАЭС остаётся одной из заявленных целей интеграции. Однако фактическое сближение финансовых рынков идёт медленнее, чем гармонизация формальных норм. Причина заключается в том, что правовое сближение само по себе не создаёт устойчивых стимулов для трансграничного финансового посредничества [19].

Основными барьерами выступают различия в надзорных практиках, режимах лицензирования, правоприменении, системах кредитной информации, механизмах взыскания и защите прав кредиторов. Дополнительное значение имеют валютные риски, неодинаковая глубина национальных рынков капитала и различия в уровне цифровой инфраструктуры.

Евразийский банк развития и Евразийская экономическая комиссия формируют институциональную основу интеграции, однако для более глубокого взаимодействия требуются дополнительные инструменты: механизмы гарантий, единые подходы к обеспечению обязательств, совместимые платёжные системы, инфраструктура обмена рыночными данными и процедуры взаимного признания финансовых продуктов [6; 10; 11].

Опыт ЕАЭС показывает, что интеграция финансовых рынков не может строиться только сверху, через унификацию регулирования. Необходимы институты, которые делают трансграничные операции экономически целесообразными для банков, инвесторов, страховщиков и конечных клиентов.

Сравнение постсоветских финансовых систем позволяет выделить три идеальных типа адаптации к внешним потрясениям.

Первая модель - централизованная мобилизация. Она предполагает активную роль государства и центрального банка в стабилизации финансовой системы. Регулятор берёт на себя часть системных рисков, предоставляет участникам рынка временные послабления, поддерживает ликвидность и корректирует правила

надзора. Преимущество модели - высокая управляемость в кризисный период. Риск - усиление зависимости финансовых институтов от государства и снижение рыночной дисциплины [20].

Вторая модель - рыночная селекция. В этом случае государство ограничивает прямое вмешательство и допускает выход с рынка слабых участников. Такая модель поддерживает дисциплину и снижает вероятность сохранения неэффективных институтов, но может сопровождаться потерей части финансового посредничества и ростом недоверия клиентов.

Третья модель - внешняя зависимость. Она характерна для экономик, где устойчивость финансовой системы во многом определяется внешними источниками: денежными переводами, иностранными банками, международными институтами развития и трансграничной ликвидностью. Преимущество модели - доступ к внешним ресурсам. Ограничение - слабая автономия финансовой политики и высокая чувствительность к изменениям внешней среды.

Эти модели не существуют в чистом виде. В реальности финансовые системы сочетают элементы разных подходов. Тем не менее типология помогает объяснить, почему страны с общим постсоветским наследием по-разному реагируют на сходные внешние вызовы.

ВЫВОДЫ

Институциональная трансформация финансового посредничества в постсоветских странах развивается по разным траекториям. Единой модели сближения не наблюдается. Россия формирует систему регулируемой концентрации и цифровых экосистем; Казахстан опирается на универсальные банки и более централизованную структуру финансового сектора; малые экономики ЕАЭС сохраняют значимую зависимость от внешних источников финансовой устойчивости.

Небанковские финансовые институты остаются менее развитыми по сравнению с банковским сектором. Их укрепление требует не только допуска новых участников на рынок, но и формирования долгосрочных сбережений, защиты инвесторов, прозрачности продуктов и доверия к коллективным формам инвестирования.

Цифровизация меняет содержание финансового посредничества. Она снижает издержки доступа к услугам, но создаёт новые регуляторные задачи, связанные с платформенной концентрацией, обработкой данных и технологической устойчивостью.

Финансовая интеграция ЕАЭС требует перехода от формальной гармонизации к созданию работающих инфраструктурных и правовых механизмов. Без экономических стимулов для участников рынка интеграция останется преимущественно нормативным проектом.

Выделенные модели адаптации - централизованная мобилизация, рыночная селекция и внешняя зависимость - позволяют описать различия институционального поведения финансовых систем в условиях внешних потрясений. Выбор мо-

дели определяется не только текущей политикой, но и предшествующей траекторией развития финансовых институтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Турьян К. В. Влияние институтов финансового посредничества на благосостояние населения в постсоветских странах: сравнительный анализ // *Cogent Social Sciences*. - 2023. - Т. 9, № 2. - С. 1–28.
2. Статистические показатели банковского сектора Российской Федерации [Электронный ресурс] // Центральный банк Российской Федерации. - 2023. - URL: https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/review/ (дата обращения: 15.10.2023).
3. Обзор финансового сектора Республики Казахстан. - Астана: Национальный Банк Казахстана, 2023. - 124 с.
4. Левин Р. Финансы и экономический рост: теория и эмпирические доказательства // *Handbook of Economic Growth*. - Амстердам: Elsevier, 2005. - Т. 1А. - С. 865–934.
5. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. - М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. - 180 с.
6. Годовой отчет Евразийского банка развития 2023. - Алматы: ЕАБР, 2024. - 156 с.
7. Махони Дж., Рюшмейер Д. Сравнительно-исторический анализ в социальных науках / пер. с англ. - М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2011. - 493 с.
8. Ершов М. В., Танасова А. С., Татузов В. Ю. Финансовая система и экономика: риски трансформации // *Вопросы экономики*. - 2022. - № 3. - С. 5–23.
9. Турьян К. В. Модель развития финансового посредничества как фактор роста благосостояния населения в постсоветских странах // *Journal of Infrastructure, Policy and Development*. - 2024. - Т. 8, № 3. - С. 2847–2868.
10. Годовой отчет Евразийской экономической комиссии 2023. - М.: ЕЭК, 2024. - 238 с.
11. Отчет об устойчивом развитии Евразийского банка развития 2023. - Алматы: ЕАБР, 2024. - 98 с.
12. Финансовая доступность в странах ЕАЭС // Аналитический доклад ЕЭК. - 2023. - № 7. - С. 45–67.
13. Донецкова О. Ю. Современное состояние института регулирования финансового посредничества // *Балканское научное обозрение*. - 2019. - № 3 (13). - С. 154–160.
14. Годовой отчет Российского союза автостраховщиков 2023. - М.: РСА, 2024. - 86 с.
15. Обзор ключевых показателей инвестиционных фондов // Национальная ассоциация участников фондового рынка. - 2023. - № 4. - С. 12–34.
16. Цифровизация платежей и внедрение инноваций на платежном рынке: аналитический доклад. - М.: Банк России, 2024. - 78 с.
17. Концепция развития финансового сектора Республики Казахстан до 2030 года. - Астана: Национальный Банк Казахстана, 2022. - 95 с.
18. Основные направления развития финансовых технологий на период 2025–2027 годов в рамках ЕАЭС. - М.: Евразийская экономическая комиссия, 2024. - 67 с.
19. Головин М. Ю., Лыкова О. А. Интеграция финансовых рынков стран ЕАЭС: возможности и ограничения // *Деньги и кредит*. - 2021. - Т. 80, № 4. - С. 33–57.
20. Банк России в 2022 году: основные цели и результаты деятельности, антикризисные меры и существующие риски // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. - 2023. - № 2 (140). - С. 45–63.

REFERENCES

1. Turyan K. V. Influence of financial intermediation institutes on the welfare of the population in the post-Soviet countries: a comparative analysis // *Cogent Social Sciences*. - 2023. - Vol. 9, No. 2. - P. 1–28.
2. Statistical indicators of the banking sector of the Russian Federation [Electronic resource] // Central Bank of the Russian Federation. - 2023. - URL: https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/review/ (accessed: 15.10.2023).
3. Review of the financial sector of the Republic of Kazakhstan. - Astana: National Bank of Kazakhstan, 2023. - 124 p.
4. Levine R. Finance and growth: theory and evidence // *Handbook of Economic Growth*. - Amsterdam: Elsevier, 2005. - Vol. 1A. - P. 865–934.
5. North D. Institutions, institutional change and economic performance. - Moscow: Nachala Foundation, 1997. - 180 p.
6. Annual Report of the Eurasian Development Bank 2023. - Almaty: EDB, 2024. - 156 p.
7. Mahoney J., Rueschemeyer D. Comparative historical analysis in the social sciences. - Moscow: HSE Publishing House, 2011. - 493 p.

8. Ershov M. V., Tanasova A. S., Tatusov V. Yu. Financial system and economy: transformation risks // *Voprosy Ekonomiki*. - 2022. - No. 3. - P. 5–23.
9. Turyan K. V. Model of financial intermediation development as a factor of population welfare growth in post-Soviet countries // *Journal of Infrastructure, Policy and Development*. - 2024. - Vol. 8, No. 3. - P. 2847–2868.
10. Annual Report of the Eurasian Economic Commission 2023. - Moscow: EEC, 2024. - 238 p.
11. Sustainability Report of the Eurasian Development Bank 2023. - Almaty: EDB, 2024. - 98 p.
12. Financial accessibility in the EAEU countries // Analytical report of the EEC. - 2023. - No. 7. - P. 45–67.
13. Donetskova O. Yu. Current state of the institution of financial intermediation regulation // *Balkan Scientific Review*. - 2019. - No. 3 (13). - P. 154–160.
14. Annual Report of the Russian Union of Motor Insurers 2023. - Moscow: RSA, 2024. - 86 p.
15. Review of key indicators of investment funds // National Association of Securities Market Participants. - 2023. - No. 4. - P. 12–34.
16. Digitalization of payments and innovation implementation in the payment market: analytical report. - Moscow: Bank of Russia, 2024. - 78 p.
17. Concept for the development of the financial sector of the Republic of Kazakhstan until 2030. - Astana: National Bank of Kazakhstan, 2022. - 95 p.
18. Main directions for the development of financial technologies for 2025–2027 within the EAEU framework. - Moscow: Eurasian Economic Commission, 2024. - 67 p.
19. Golovnin M. Yu., Lykova O. A. Integration of financial markets in the EAEU countries: opportunities and limitations // *Money and Credit*. - 2021. - Vol. 80, No. 4. - P. 33–57.
20. Bank of Russia in 2022: main goals and performance results, anti-crisis measures and existing risks // Proceedings of Saint Petersburg State University of Economics. - 2023. - No. 2 (140). - P. 45–63.

Информация об авторе

Яковенко Дмитрий Анатольевич

НОЧУ ВО «Московский экономический институт»; E-mail: cafmo@yandex.ru

Information about the author

YAKOVENKO Dmitriy Anatolyevich

Moscow Economic Institute; E-mail: cafmo@yandex.ru